

14. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
15. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968.
16. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // ВЯ. 1996. № 2.
17. Чудинов А.П. Регулярная многозначность в глагольной лексике. Свердлов. пед. ин-т, 1986.
18. Чудинов А.П. Регулярное семантическое варьирование русской глагольной лексики: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Свердловск, 1990.
19. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973.
20. Юрина Е.А. Образный строй языка. Изд-во Томского университета, 2005.
21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1980.

Е.А. Яковлева

*Башкирский государственный
педагогический университет*

ВНУТРЕННИЙ ЛЕКСИКОН ИНДИВИДА И ПРАГМАСИНОНИМЫ

«Он (Хлебников) раскрыл гросс-бух и начал водить пальцами по черновикам слов. Всякие тут были: и «слова в разрезе», и «голые» новорожденные, и ласкательно наряженные, и «слова-женщины», и «слова-мужчины», и высохшие старчески – или «проекты слов» – и среди них – «протезы» для замены отрубленных частиц.»

[Татьяна Вечерка 1995: 16].

Сам поэт сравнивал словотворчество со «взрывом языкового молчания глухонемых пластов языка», а свой поэтический труд с деятельностью «путейца языка», пролагающего пути «из одной долины языка в другую».

Мы не случайно, занимаясь процессами словообразования в русской разговорной речи, обратились к имени великого языкотворца. Писатели, подобные Хлебникову, это люди, которые до конца жизни так и не утратили социально обусловленную и присущую человеку сызмальства способность *создавать* новые слова и речевые обороты. Достаточно лишь вспомнить детские «*лютые желтики*» (*желтые лютики*), «*овечки*» (баранки), «*десятьсот*», «*антиклумба*» («на ней ничего не растет!»).

Лексические новации особенно заметны на современном этапе развития русского языка, когда в нем происходят поистине революционные преобразования. Этому способствуют и социальные сдвиги, целиком захватившие общество: информационный бум, расширяющаяся в пространстве воздействующая роль СМИ, открытость государственных границ, структурные преобразования в сфере личностных отношений и многое другое.

Для характеристики происходящих языковых процессов В.Г.Костомаров использовал термин «либерализация», так как они затрагивают «не только народные пласты общенационального русского языка, но и образование, оказавшиеся чуждыми литературному канону последних десятилетий. В целом литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной; литературный стандарт становится менее стандартным» [Костомаров 1994: 5].

Ввиду сказанного, заданная дифференцированность функциональных стилей оказывается все более нестабильной, а границы между стандартным литературным языком, разговорной речью и различными социальными жаргонами – подвижными и прозрачными. Можно сказать, что русский язык получил, наконец, «поболе воли» (А.Пушкин), хотя в своем большинстве она проявилась лишь в том, что воинствующая безграмотность приобрела характер массового проявления (*афтар жжжот!*). Запретное ранее для официальной сферы слово стало широко и часто транслируемым. С экрана телевизора, в радиопередаче, на собрании и митинге можно свободно услышать – *замочить, кайфовать, крутой, крыша поехала, навороченный, наехать, оттянуться в полный рост, расслабиться, свинорыл, смурной, фанат* и тому подобные выражения, не говоря уже о заимствованиях типа *бумер, бренд, дилер, драйвер, киллер, мерс, сисадмин, секьюрити* и пр., заполонивших текстовое пространство русской разговорной речи.

Таким образом, процесс эволюции языковой системы, наблюдаемый при переходе от поколения к поколению, при смене одного общественного уклада на другой, налицо. Однако при таких динамичных изменениях весьма важно, чтобы глобальным перестройкам не подверглись фундаментальные основания, позволяющие языку сохранить свою идентичность.

Пытаясь «переработать» новообразования, появившиеся в результате стихийного словотворчества, организм языка действует наподобие других живых когнитивных систем – в виде «замкнутого казуального кругового процесса». И он может сохраниться в качестве единого целого (системы) лишь постольку, поскольку в его составе все единицы оказываются функционально значимыми и не разрушают, а сохраняют эту «кругообразность», каждый раз возвращая систему в устойчивое положение [Матурана, 1995].

Напряженная деятельность языка по «самосохранению» (то есть удержанию достаточно шаткого равновесия между двумя разными энергетическими полюсами – эволюционировать в развитии, включая в свой организм тысячи и тысячи постоянно возникающих в потоке речи «сущностей», или повторить судьбу «мертвых языков», пуристически отсекая всякие новации и сохраняя первозданную чистоту и книжность) – в этом и заключается тот языковой динамический процесс, который великий Гумбольдт называл «энергией».

Более плавному переходу языка из одного состояния в другое должна способствовать своего рода «иммунная система», под которой мы понимаем **чувство языка** его носителей.

Врожденная филологичность индивида, традиции национальной книжности, всевозможные нормы и запреты (морально-этические, правовые, религиозные, этнические, языковые и пр.) выступают при этом в качестве своего рода талисмана, «оберега» родного слова. Однако во время социальных катаклизмов и структурных преобразований общества языковой иммунитет социума часто ослабевает, что чревато многими отрицательными последствиями, в том числе и «макаронистическими болезнями», время от времени поражающими русский язык (польско-латинская волна XV-XVI веков, германская – XVIII век, французская – XIX век, английская – со второй половины XX века).

Языковые факты свидетельствуют, что известные лингвистические оппозиции – **своё / чужое, старое / новое, книжное / разговорное, узуральное / окказиональное** и пр. – в каждый отдельно взятый исторический период жизни общества получают особое наполнение, обусловленное внутриязыковыми и внеязыковыми факторами – идеологическими, политическими, националистическими, эстетическими, о чем много и подробно пишет в своих работах, посвященных истории русского языка, Б.А. Успенский [Успенский, 1994].

Расширяя с течением времени область взаимодействия с реальной действительностью, язык не может не откликнуться на это умножением своих сущностей, то есть увеличением состава лексических единиц, включенных в высказывания: социальный организм и языковой связаны таким образом, что последующее поведение одного из них зависит от предыдущего поведения другого.

Появление новообразований связано, как мы отметили, с высказываниями, то есть с конкретными **речевыми жанрами**, соотносимыми с многообразием типических ситуаций социально-ролевого взаимодействия коммуникантов. Именно здесь максимально и проявляется та вариативность языковых единиц, которая столь характерна для живой речи, что обусловлено многими причинами – стремлением избежать повтора; желанием создать «электризирующий» элемент, усиливающий динамику высказывания; акцентирование смысла; проявление личностного начала и пр. И именно поэтому говорящему особенно необходимо чувство языка, чтобы **составить** «из подручного материала» (морфем, словообразовательных и синтаксических моделей, интонаций и пр.), а слушающему адекватно **воспринять** вариантное слово, «имеющее место быть» в системе языка, хотя бы и потенциально.

Словообразовательная система русского языка представляет для подобного творчества самые широкие возможности. Отмечая эту характерную черту нашей речи, И.А. Бодуэн де Куртенэ заметил, что «не во всех

индивидуальных головах участников данного языкового коллектива морфологическая делимость слов представляется одинаково ясною и определенной. Границы между отдельными морфемами бывают и более ясны и более туманны. Некоторые морфемы так ясны, так выпуклы, так резко отделяются от других, что при их определении никто не ошибется, зато при определении других морфем замечаются различные индивидуальные различия. Мало того, даже у одного и того же лица, в зависимости от интенсивности языкового мышления в данную минуту, проявляется в разное время разная делимость одних и тех же, по-видимому, слов» [Бодуэн де Куртенэ, 1963: 232]. О размытости морфемных швов и существовании так называемых потенциальных русских слов писал и А.И.Смирницкий [Смирницкий, 1954: 7].

«Новодел», с одной стороны, как бы демонстрирует «недоработки» словообразовательной системы языка, а с другой – ее гибкость и приспособляемость к реальным условиям. При этом вариантное слово, несмотря на его семантическую и морфологическую размытость, чтобы вписаться в систему языка, должно удовлетворять следующим условиям:

1) со стороны формы – соответствовать определенной словообразовательной модели, существующей в языке;

2) со стороны содержания – охватывать некую понятийную область, включая в значение и задействованную экспрессию, и образность, и «шлейф тянущихся за словом» ассоциативных связей, одновременно демонстрируя смысловое богатство разных блоков лексической системы;

3) со стороны синтагматики – обладать набором грамматических признаков, выбранных хотя и достаточно произвольно, но в соответствии с реально существующими потребностями данного речевого высказывания, что и позволяет встраивать в него новое слово;

4) со стороны парадигматики, – заполняя «пустую клеточку» словообразовательной цепочки, демонстрировать потенциальные возможности всего словообразовательно гнезда;

5) в аспекте прагматики – новое слово должно сконцентрировать в себе энергетический потенциал, необходимый для воздействия на слушателя в конкретной речевой ситуации и в соответствии с поставленными коммуникантами целями общения;

6) в социальном плане, слово должно быть «социологизировано», поскольку в него – в качестве необходимой составной части смысла – входит и сама реальная ситуация. Это значит, что слово освоено и «присвоено» коммуникантами и в высказывании выполняет только ему присущую в своем роде уникальную роль [Волошинов, 1995].

У подобных новообразований зачастую наблюдается эффект «мерцания смысла» (В.Хлебников) – качество, особенно ценное в поэтической и в разговорной речи и сближающее их в этом отношении между собой. «Размытость» значения вновь созданного разговорного слова в принципе

препятствует точной и лаконичной передаче информации, отвлекая внимание от содержания и сосредотачивая его на внешней и на внутренней форме. Однако смысловая недостаточность одной из единиц легко компенсируется в живой речи за счет других средств – семантики остальных лексем, интонации, мимико-жестовой поддержки и пр.

Словотворчество, как мы уже подчеркивали, – социально обусловленная способность каждого человека. Особенно ярко эта черта проявляется в детском возрасте, ее можно назвать и характерной приметой фольклора (ср. русские загадки: *Бегут бегунчики, режут режунчики; живая живулечка; Четыре стукоты, четыре брякоты, два коктырька, два моктырька, да ещё коктырек, да ещё моктырек; На горе горынской стоит дуб сарацынской; Мотовило, роговило по-татарски говорило*). Неиссякаем интерес к словотворческому потенциалу языка и со стороны писателей и поэтов, стремящихся, по меткому выражению В.Хлебникова, «набросить» на разнородный словесный материал методологически продуманную описательную «сетку».

Вот, к примеру, несколько новообразований с приставкой БЕЗ/С-, которые были предложены В.Хлебниковым и А.Солженицыным. Для сравнения мы здесь привели и варианты из разговорной речи, зафиксированные в нашей картотеке [Картотека русской разговорной речи: БГУ, БашГУ].

В.Хлебников	А.Солженицын	РР
без-богий	без-божить	без-андерстенд
без-вдохновенный	без-вонный	без-арбузие
без-глагольно	без-гласие	без-выходняк
без-государственный	без-государное	без-мазный
без-любимица	без-людить	без-надёга
без-мирный	без-мирье	без-нал
без-радый	без-радушие	без-рад
без-умь	без-умливый	без-уметь
бес-покойничий	бес-покой	бес-покой
бес-продажа	бес-понятный	бес-понятливый

Как видим, сравнительный анализ тридцати вариантных слов уже позволил нам выявить некую предопределенность и заданность русского словотворчества, а также обнаружить у разных, известных и «безвестных», разведенных во времени и пространстве авторов общие модели словотворчества. Это еще раз свидетельствует о высоком потенциале словообразовательной системы русского языка и динамичности процессов, действующих в разговорной речи и предоставляющих возможность каждому говорящему стать ее активным творцом.

Непривычное на первый взгляд, но вполне узнаваемое в качестве слова сочетание морфем, бытующих в диалогах: *Ален-Де-Лон-ист-ый, бабл-гам-щик, блат-ов-ик, что-то у вас в комнате вони-дзе, пора сделать ему вы-кин-штейн, дембел-евич, интуич-и-ть, не-вруб-он, не-пр-ух-а, не-до-о-ковр-и-ть, о-кус-ну-ть-ся, у-ры-ть-ся* и др., – очерчивает лишь смысловые контуры лексической единицы, напоминая об интеграционном и непрерывном характере человеческого знания вообще («поток сознания» – А.Лосев) и о «текучести языкового знака», в частности. Подобные лексемы демонстрируют размытость всех и всяческих границ – между морфемами и словами, словами и словосочетаниями, между грамматическими категориями, понятиями, нормой и узусом, функциональными стилями, синхроническим и диахроническим подходом к языковым фактам и т.д.

Свежий и неравнодушный взгляд на форму слова помогает говорящему обнаружить не мертвую сущность, но живой организм, тем более что, к примеру, совокупный список только словообразовательных суффиксальных морфов, по данным академических грамматик, составляет более 1000 единиц. «Ожившие» аффиксы легко комбинируются в новые сочетания, интенсифицируя речевую выразительность: *деньрожка* (день рождения); *депресняк, депрессуха* (депрессия); *забугорный* (заграничный); *кайфоломство*; *крезанутый* (сумасшедший); *лепилово* (вранье); *междусобойчик* (вечеринка); *наблатыкаться* (приобрести навык в чем-либо); *одобрямс*; *подписант*; *поплохеть*; *попухалово* (неприятная ситуация); *разжирниться*; *улетный* (отличный). Восприятию «новодела» слушающим помогает сама ситуация речевого общения, а также его сопоставление с тождественными словоформами в рамках функционирующих в языке словообразовательных гнезд.

Рассматривая активные процессы словообразования, еще раз подчеркнем тот факт, что «рождение» каждого окказионализма всегда происходит в результате творческой и целенаправленной деятельности говорящего, зачастую отдающего преимущество не внешнему, а подтекстовому содержанию высказывания. Например, желание смягчить упрек заставляет говорящего подыскивать параллельные варианты для слов «*вонь*», «*запах*», и мы слышим: «*Что это ты такой токсичный? Иди прими душ!*». Таким образом, «случайность» здесь отсутствует в принципе, и мотив появления новой единицы налицо: говорящий старается наиболее эффективным способом достичь коммуникативной цели, поставленной в конкретном речевом акте. Итак, в психологическом плане с помощью «своего» слова личность демонстрирует окружающим самоценность, а всякая личность, по мнению Н.А.Бердяева, предполагает «творчество и борьбу за себя» [Бердяев, 1994: 298].

Уникальность и неповторимость каждой лексической единицы была замечена П.Флоренским, подчеркнувшим, что слово – это «оттиск *моего* способа пользования речью, именно *моей* духовной потребности, и притом

не вообще моей, а в этот *единственный* в мировой истории раз» [Флоренский, 1973: 348]. Иначе говоря, слово **общее**, или **ничье**, – мертво, и только **мое** слово, осознанное и присвоенное мною или же только что сотворенное, становится живым и действенным, способным передать тот единственный смысл, который Я в него вкладываю.

«Внутренний лексикон» индивида (понятие, рассматриваемое в работах, изучающих процессы порождения речи) поставляет морфемы и лексемы на уровень морфологии и синтаксиса, где и совершается необходимая трансформация и окончательное оформление слов [Шахнарович, 1991: 115]. Следовательно, каждый раз слово обязательно проходит процесс его «встройки» в высказывание, а при нужде и процесс намеренной «перестройки». Поэтому не подобает смотреть на индивидуальный лексикон как на «собрание готовых единиц, склад, откуда говорящий извлекает подходящие для него единицы», тем более, что более 60% словаря развитых языков составляют именно производная лексика [Шахнарович, 1991: 120].

В лингвистике новообразования типа *безмазняк* (безнадежная ситуация), *быть в дауне* (быть неприятно пораженным), *возбухалово* (возмущение), *заруба* (зарубежная литература), *крутой мен*, *топтоган* (дискотека) относят к жаргонизмам. Однако данная квалификация отнюдь не снимает вопроса об окказиональном характере слов, тем более, как мы отметили, подобная лексическая избыточность сегодня широко распространена в самых разных сферах человеческой деятельности. Да и диалектологические факты свидетельствуют, что многие литературные формы имели до десятка всевозможных параллельных наименований (например, *беспокоить*, *будоражить*, *булгачить*, *бутырить*, *сбивать с толку*, *тревожить* и т.п.).

Описываемое на уровне лексики явление – существование параллельных вариантов слов – с помощью терминов **окказионализм**, **потенциальное слово** или **стилистический синоним**, на наш взгляд, охарактеризовать невозможно, так как подобные слова чаще всего представляют собой в семантическом и стилистическом планах дублетные образования. Их информативность как бы отодвигается на второй план, открывая дорогу «оживлению» внутренней формы, этимологизации мышления, обнажению неожиданных ассоциаций, связанных с различного рода деформациями слов и пр. Взять, к примеру, названия денег, используемые в разговорной речи, – *акча*, *алтушки*, *бабки*, *баиши*, *гроши*, *дрожжи*, *знаки*, *кровь*, *мани*, *мулики*, *налив*, *налич*, *наличман*, *пити-мити*, *соверены*, *тугрики*, *хрусты*; или столь же близкие каждому россиянину номинации пьяного – *алк*, *алик*, *алкаш*, *алкмен*, *бус*, *бусой*, *бухой*, *валежник*, *взгретый*, *вдетый*, *глухарь*, *датый*, *дринкач*, *дринчмен*, *духарик*, *кирной*, *кирюха*, *поддавошник*, *теплый*, *тепленький*, *тепляк*, *хороший*, *четвероногий*. Здесь на основе сближения единиц образуется лексическая область, в которой размыто, растворено не только содержание слова, но главное – социологизированное отношение

личности к означенному предмету речи, специфическая национально-культурная картина мира.

Если вышеперечисленные термины не совсем точны и функциональны, то, вероятно, следует использовать другую условную единицу. По нашему мнению, наиболее точно отразить прагматический аспект словотворчества может только термин **прагмасиноним**, поскольку в нем особо подчеркиваются следующие моменты: присутствующий в новом слове эффективный потенциал, проявляющийся при коммуникативном воздействии говорящего на слушателя; скрытый семантический смысл новообразования, выявляемый только на уровне высказывания, а также тот факт, что появление прагмасинонима напрямую связано с риторической разработкой речи – стратегией речевого замысла и его тактическим исполнением.

Прагмасиноним, таким образом, отражает **личностное** (социологизированное) отношение говорящего к «миру-событию» (М.Бахтин) и структурирует окружающую действительность в зависимости от внутреннего состояния и интенций коммуникантов. В этом рядовому языкотворцу помогает владение национальными ориентирами и приоритетами в области родного языка – знание правил речевого поведения и имеющиеся навыки их использования; знание словообразовательного механизма; базы производящих лексем; морфологической последовательности частей слова; потенциальных возможностей лексического уровня и многого другого.

Механизм появления новых слов в целях наглядности можно перевести на язык экономии, к примеру, – теории личного потребления.

Во время общения человек, особенно если это касается динамичных или экстремальных ситуаций, «мучительно подыскивая слово», испытывает нужду, то есть чувство нехватки лексических единиц: либо его словарный запас относительно беден, либо предлагаемое нормированным лексиконом слово говорящего не устраивает по каким-либо причинам: стилистически-нейтральное, невыразительное и недостаточно эффективное для достижения коммуникативной цели. Подобные лексические единицы, с переставшей осознаваться носителями русской речи внешней и внутренней формой, напоминают стершиеся купюры, ценность которых от долгого хождения «по рукам» уже трудно установить («Закон убывающей полезности»).

Чувство ощущаемой нехватки – потребность в слове – превращается в потребность, соответствующую культурному уровню и психологическим характеристикам данной личности, ситуации речевого общения, жанру высказывания, наконец, индивидуальным параметрам оппонента, то есть Другого, на которого и ориентирована конкретная речь (ведь, по мнению Гуссерля, одного из столпов диалогической философии XX века, «*der Andere ist der Erste Mensch, nicht ich*» – «первый человек – это не я, а Другой» [Махлин, 1995: 6]).

Моделирование единиц, их вариативность, таким образом, прежде всего, зависит от спроса, который диктуется речевой ситуацией, психологическими, социальными, физико-биологическими и другими характеристиками коммуникантов, преимуществом воздействующего потенциала прагмасинонима, сопоставляемым с уже имеющимися единицами внутреннего лексикона говорящего, и языковым вкусом, формируемым обществом в данное время и на данной территории.

Как мы уже отметили, нестандартные слова и обороты зачастую обладают максимальным прагматическим потенциалом. В разговорной речи часто оживает внутренняя форма слова, не проявляющая себя в нормированном высказывании (например, *Ну, ты достал меня, Достоевский! Эх, ты, неутыка!*). Такой прагмасиноним ощущается в качестве яркого фонетического и смыслового «пятна» в контекстуальном пространстве речи, заражая своей энергетикой все высказывание.

Словотворчество требует от говорящего не только глубинного знания языка, но и образного и этимологизированного мышления, чувства юмора, владения основами языковой игры, артистизма, – то есть именно того, что и характеризует истинную творческую личность. Получаемая в результате словотворчества коммуникативная и социальная **выгода** и заставляет говорящих (и особенно в молодом возрасте) непрерывно творить, создавая все новые и новые параллельные варианты слов, способных эффективно и экономно выполнить поставленные задачи.

Нельзя, к примеру, не оценить хлебниковский стих: *«вода небится, / Небо водится. / Ручеек-журчеек, / Солнце солнится»*. Или же не столь эстетичный, но живой, яркий и выразительный ряд прагмасинонимов со значением «говорить неправду» – *знать телегу, свистеть, травить, вешать лапшу на уши, мыть уши киселем, фонарь подвешивать, чернуху лепить, знать тюльку* и пр. Право, как было бы скучно, если бы в известной ситуации у людей на все про все было бы всего два-три слова типа *врать, обманывать* и *лгать*.

Именно этот факт и является причиной того, что в живой словесной массе функционируют сотни и сотни тысяч **прагмасинонимов**, которые при их оценке вне высказывания чаще всего остаются за пределами нормативных лексиконов и грамматик, вне поля зрения лингвистов.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные работы по русскому языку. Т.2. – М.: Изд. АН СССР, 1963.
3. Татьяна Вечерка. Записные книжки, 1925-26. Цит. по: Перцова Наталья. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. – Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 40. – Wien – Moskau, 1995, с.16.

4. Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Изд-во «Аста-пресс» ltd, 1995.
5. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М.: Изд-во «ИМКА-Пресс», 1994.
6. Матурана У. Биология познания / Язык и интеллект: Сб. / пер. с англ.; сост. и вступ. ст. В.В.Петрова. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995.
7. Цит. по: Махлин В.Л. К «социологии слова» М.М.Бахтина // Риторика, специализированный проблемный журнал, изд. «Лабиринт». Инст-т языков и культуры им. Л.Н.Толстого. М., 1995. №2.
8. Русский словарь языкового расширения / сост. А.И.Солженицын. – М.: Голос, 1995.
9. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М.: Изд-во МГУ, 1954.
10. Успенский Б.А. Избранные труды. Т.2. Язык и культура. М.: Изд-во «Гнозис», 1994.
11. Флоренский П.А. Строение слова / Сб. Контекст – 72. – М., 1973.
12. Шахнарович А.М. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона / Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991.

Т.В. Григорьева, А.Р. Хамидова

Башкирский государственный университет

СИМВОЛ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Когнитивный подход к изучению языка помогает понять природу некоторых сложных терминов-концептов, неоднозначно трактуемых в науке, выявить их ключевые признаки, сложившиеся в коллективном сознании социума и отразившиеся в языковой картине мира. К таким многоликим ментальным единицам, «квантам структурированного знания» [Кубрякова], относится, в частности, семиотический концепт Символ.

Символ – сложное, многогранное явление, ставшее объектом исследования разных областей науки. В философии, культурологии и литературоведении символ – это «условный знак какого-то понятия, явления, идеи», например, пять колец – символ Олимпийских игр [Кузнецов 2006], чаша и змея – символ медицины. Для лингвистов символ – это такой знак, в котором первичное содержание является формой другого, более абстрактного и общего содержания; при этом оба значения – первичное и вторичное – объединяются под общим означающим. Таким образом, общими признаками символа считаются его знаковая природа – наличие означающего и означаемого. Однако современная наука не имеет единого однозначного общенаучного определения символа, вбирающего в себя многогранность этого явления.

Выявить важные признаки, формирующие образ данного феномена в русском национальном сознании и раскрывающие представления носителей языка о нем, позволяет изучение языкового материала, в частности вербального окружения основного имени концепта – слова *символ*.

Символ стоит в одном ряду с другими семиотическими понятиями: